

Иван А. Алексеев

ЛЕБЕДИНОЕ

ОЗЕРО

Иван Алексеев
ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО
Рассказ

Про набирающую звучание лебединую песню любви, рвущую сердце, смиряющую душевные бури и поддерживающую дух.

*«Выйди из мрака, взгляни:
весь в лучах, светится день!»
Р. Вагнер «Зигфрид»*

1. Супруги

В борьбе за семью Краснов пытается противостоять сложившейся общественной тенденции – жить одному и для себя легче и покойнее.

Театр строили долго и дорого. Пафосный проект, скроенный по столичным меркам, трудно укладывался в провинциальный масштаб. Часто замиравшую стройку, тянувшую из казны серьёзные деньги, завершали дважды: в последний год президентства Дмитрия Медведева и, спустя год, – при вернувшемся Владимире Путине. Посмотреть, каким получился театр, приезжали оба президента, что лучше всего говорит о масштабах преодолённых трудностей.

Первоначально выделенные на строительство средства закончились через два года активных работ. За это время на насыпанном земляном холме размером с футбольное поле уверенно поднялась, доминируя над городскими кварталами, громадная монолитная конструкция без окон и дверей, чтобы надолго замереть в недостроенном обличье, подвигнув местную публику наречь будущий храм искусства «рейхстагом». Ведущие на холм каскадные лестницы с широченными ступенями и площадками для фонтанов, строго очерченные стены размахнувшегося вширь и ввысь здания, арочные оконные проемы без стёкол, многочисленные башенки в готическом стиле на уровне частично собранной крыши были весьма красноречивы – чем не образ полуразрушенного немецкого парламента в победный для русских год?

Дополнительной причиной явления иноземного прозвища стало уничтожение парка, на месте которого развернулась строительная площадка. Хоть парк был старый, запущенный, с неухоженными, больными и пропадающими вязами, тополями и акациями, но родной, привычный и очень нужный в летний зной. И вот спасительную зелень повырубали, устроив пустыню с растущей посередине махиной, назвать которую русским словом не поворачивался язык.

Впрочем, ко всему привыкаешь, свыклись и с «рейхстагом». К тому же оказалось, что с прозвищем поспешили. В завершённом виде сурово величавое здание украсило и осовременило цепляющийся за землю район с рядами скучных пятиэтажек и старыми улицами купеческих когда-то домов из осыпающегося красного кирпича, перемежающихся с крепко осевшими в землю замшелыми деревянными развалюхами, частью порушенными и сожжёнными. Протяжённое, величественное, прочно укоренившееся, облицованное белой плиткой, с рядами стройных арочных окон, с двускатной мансардной крышей в виде ломаной поперёк в двух местах зелёной пилотки, с примыкающими к ней по углам узкими башенками с четырехгранными острыми куполами, и, на четыре стороны света, другими башенками, приземистыми, широкими, под зелёными панамы, – здание это будило в душе разные мотивы, от имперских до родных татарских. Перестало ему подходить немецкое имя. Ну и ладно, что перестало, ну и хорошо.

Смирились горожане и с гибелью тенистого парка. На его месте теперь был новый – открытые солнцу и ветрам зелёные газоны, дорожки из тротуарной плитки и асфальта, окружающие театр и ведущие к нему. Вдоль дорожек – скамеечки. И радующая глаз подстриженная газонная травка, приготовленная для демократичных музыкальных мероприятий на свежем воздухе.

От городских улиц с вездесущими автомобилями парк огорожился железным забором и охранниками в будочках на воротах. Вдоль границ сели рядком молодые липы и акации, с одинаково аккуратно подстриженными кронами-шарами, как будто одетыми на прямые, без веток, стволы. В одном из углов парка устроилась детская площадка с героями русских сказок – тут и избушка на курьих ножках с бабой Ягой, и гуси-лебеди, и водяной, и

богатыри, и Змей-Горыныч, и сестрица Алёнушка с братцем-козлёночком. В целом, парк превратился в удобное местечко для цивилизных прогулок, с детьми и без оных, и для модных катаний на велосипедах и роликах от мала до велика. Ещё бы тенистых аллей сюда добавить, но и так не дурно получилось – «модно, стильно, современно».

В театр быстро подобрались труппа и достойный репертуар. И неизбалованный искусством провинциал с удовольствием пошел на оперы и балеты, позабыв недавние причитания о том, что и зрителей тут будет не набрать, и артистов своих нет, а приезжие будут из числа ненужных или провинившихся, то есть не очень хороши.

Несколько раз в свой прошлогодний отпуск, проезжая вечером мимо парка, Краснов видел ручейки нарядных горожан, стекающиеся с разных сторон к подножию холма, поднимающиеся по ступенькам, мимо работающих фонтанов, к театру, и манящие его присоединиться.

Тогда у него не сложилось, но желание осталось и даже укрепилось, благодаря всплывшим из потаённых глубин памяти многослойным обрывкам старинных настроений и эмоций.

Тут было, во-первых, что-то ещё дошкольного времени, когда он любил петь, и мама решила, что сыну надо ставить голос. Вспыхивали на мгновение и рассыпались картинки, где какой-то заслуженный дядька извлекал ноты из пианино, а он пытался их повторить. И где он ждал за дверью, пока дядька поговорит с мамой после прослушивания, уже зная то, чего мама ещё не знала – что у него нет ни слуха, ни голоса. И как хотелось потом петь, а он не мог, потому что люди без слуха и голоса не могут себе это позволить.

Через круг огорчений пробивались картинки, в которых он всё-таки нарушал сложившийся в детстве запретительный императив. Бывало это исключительно в состоянии подпития – давно, когда Краснов выпивал. Для излития переполняющих нутро чувств песня лучше слов, а в пении забывающей о разуме душе вполне достаточно силы голоса и натурального старания. Поэтому, подвыпив и осмелев, Краснов с удовольствием поддерживал запевалу, старательно вытягивая звуки и дыша полной грудью, чтобы не задохнуться, – получалось у него лучше многих.

Ещё в его картинках были вспышки ночных дежурств в московских подворотнях, когда он помогал «держателю» очередь за театральными билетами. Благодаря ночным бдениям, малая часть билетов, выделявшаяся

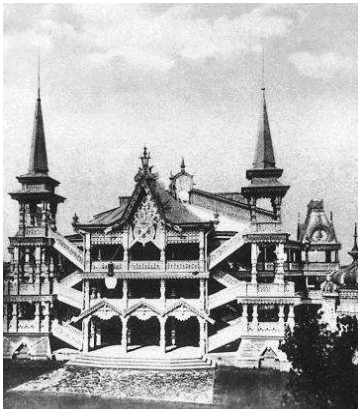
для свободной продажи в кассах московских театров, вся уходила студентам соответствующих институтов, наделённых негласным правом. Для этого требовалось контролировать порядок, охранять «правильную» очередь от непонимающих граждан, рвущихся в кассу, и от беспредельщиков из других институтов, силой пытающихся «поломать» её и устроить незаконную свою.

Дежурным за успешное дежурство полагалась пара билетов. Причём, упросив «бригадира», можно было попасть не только в «свой», но даже в другой театр первой категории – в Большой, например, или на Таганку. Но надо было суметь попросить. Перебив отговорки, которые были всегда наготове: «Зачем тебе это? Что там смотреть? Женские ножки – это понятно, но целый спектакль выдержать – на большого любителя. А опера? Что поют? - не поймешь, к чему и о чём. Да и билеты туда могу дать только на балкон последнего яруса, а тут я тебе партер предлагаю, хорошие места – не дури». В итоге репертуар «своего» театра Краснов освоил, а вот в Большом не был, – и жалел потом, что не был, слушая мамины рассказы.

Мама рассказывала, как в пятидесятые и шестидесятые года в их город приезжали на летние гастролы театры из Москвы и Ленинграда, и сколько хороших спектаклей она тогда посмотрела. Видела замечательных молодых артистов, называла фамилии, известные её поколению и забытые следующим. Для Краснова единственным знакомым именем была Плисецкая. Мама видела эту балерину в «Лебедином озере», в то время, когда о ней говорили, как о восходящей звезде.

Гастрольные спектакли давались в летнем театре парка Аркадий, вдоль дорожек которого замерли окрашенные «серебрянкой» скульптуры животных, и где были любимые детьми колесо обозрения, комната смеха и другие обычные советские аттракционы.

Память Краснова хранила смутный сказочный образ облюбованного гастролёрами и в одночасье сгоревшего деревянного театра.

По узким дорожкам с щербатым асфальтом, меж долговязых вязов и гибких акаций с побеленными стволами, мимо серой потрескавшейся земли без травы под деревьями, маленький Вова спешил к центральной площадке парка Аркадий, где стоял потемневший от времени терем. У терема были островерхие башни по краям, а снаружи его окружали словно висящие в воздухе ярусы с резными перилами и скрипучими лесенками. Внутри театра мальчик не был, видел его только снаружи, так и запомнил.

Сегодня на том месте железобетонная конструкция «под старину», с претензией на имитацию бывших лесенок и ярусов, но очень уж они тяжелы и громоздки на вид. Да и весь новодел груб - былой лёгкости и загадки у здания нет, вместо них основательность и прямолинейность крепости. Современные театры и классический репертуар эту сцену не полюбили (или она их не любила?). Пользуют её, пытаюсь собирать аншлаги, толстосумы от популярной музыки...

Деревянный театр сгорел раньше, чем Краснов подросток до требуемого для посещения спектаклей сознательного состояния. А потом его мама перестала быть театралкой. Так совпало, что после пожара хорошие театры переключились на заграничные гастроли, а для «нехороших» у мамы не было ни денег, ни желания.

В то время они остались одни. Вдруг и насовсем, как объяснила мама своему девятилетнему сыну, уехал в другой город дядя Лёша, который много лет забирал Вову из садика и младших классов школы и был с ними почти каждые выходные.

С дядей Лёшей им было весело. Он водил их в кино, угощал мороженым, летом возил на машине отдыхать на речку, учил Вову играть в футбол и ловить рыбу. За городом мама бегала с Володей наперегонки, часто улыбалась, и уголки её губ не клонились горестно к земле.

У Краснова покраснели уши, когда он вспомнил, как пытался тогда по реакции чужих людей понять для себя место дяди Лёши в их семье. Маленьким он не стеснялся заговорить со взрослыми. Особенно за городом и с парой из дяди и тёти, занимающихся понятным ему делом, – той же рыбалкой, например. Он спрашивал у дяди и тёти, где они живут, и есть ли у них дети, а между вопросами и ответами рассказывал, что его папа поругался

с мамой, когда Володе было три года, и ушёл жить отдельно. Говорил ещё, что они с мамой тут отдыхают вместе с дядей Лёшей. Рассказывал про большого судака, которого поймал дядя Лёша, про подаренную сетку, которой Вова ловил мальков, про то, как дядя Лёша опустил эту сетку около кустов и, выждав, вытащил в ней столько рыбок, сколько Володя не смог наловить за весь день. Рассказывая, он смотрел бесхитростными глазами на взрослых, угадывая по выражениям их лиц, хорошо для них с мамой то, что у них есть дядя Лёша, или нет.

Что Володя уразумел для себя в итоге, осталось его детской тайной, но маму он никогда ни в чём не винил. Напротив, был благодарен ей за то, что она не только заставляла его учиться, но и не мешала мечтать, принимая его решения как должные. Со слезами и надеждами проводила окончившего школу сына в Москву.

Вот как она его тогда отпустила? Ведь понимала, что сын не вернётся. Отучится, останется работать в своём далёке, женится, и хорошо, если будет приезжать к ней раз в год, являться, как ясное солнышко, - даст бог, с внуками...

Как он мог не любить маму, всегда помогавшую ему, если знал другие истории и других мам-одиночек? Первая – соседка по дому, другая – сотрудница, третья – знакомая. И женщины-то все хорошие, правильные, и сыновья им под стать – спокойные, непьющие, образованные и вроде бы самостоятельные. Вроде бы – ключевое слово, потому что как жили эти мужички с мамками, так и живут. Им под сорок уже, а женаты они не были и вряд ли женятся – вот, где беда!

Жена Краснова подозревает в голове свекрови тайные помыслы и интриги – зря. Все хитрые свекровины мечты были о талантах сына, которые она боялась не распознать, о его будущих успехах, какими могла бы гордиться в старости. Обычные мечты любой мамы. А то, что она пристроилась в итоге к семье сестры и нашла общий язык с племянниками, детей которых нянькала, как своих внуков, и которые заботятся о ней теперь, как о маме, – то что в этом плохого, и что ей было делать одной?

Очень уж супруга Краснова обидчива. Кажется ей, что племянницы для свекрови ближе сына. Обидно, что и родные, и двоюродные внуки любимы старушкой одинаково. Что любит она высказаться, не подумав, а слова её частенько задевают за живое.

По молодости Краснова терпела обиды, а теперь не хочет. И вроде бы обычная история отношений свекрови и невестки, когда обе или хотя бы одна – стервы. Но ведь не стервы обе. И всегда хотели родниться. Надо было Краснову им как-то помочь, но откуда он знал, что надо, а главное - как? И вот не сложилось, а теперь, по накопленному, уже не сложится. Остаётся терпеть, всем троим, а Краснову - вдвое, потому что принимать ему приходится с обеих сторон.

Обида на свекровь была только одной строкой в лыку, малой толикой большой обиды Красновой на супруга, составленной за много лет. Обида на мужа уже давно портила их отношения и в представлении Краснова была похожа на разросшуюся раковую опухоль, которую надо оперировать, но страшно трогать. Каждый из супругов много раз пытался лечить её так, как считал правильным, то есть объясняя очевидную неправоту партнёра, и делал только хуже обоим. Доверие оборачивалось подозрительностью, а любовь безразличием, переходящим в ненависть. Были у них и жуткие скандалы, и бессонные ночи, способные разрушить совместную жизнь. Краснов не знал наверняка, почему супруга ещё держится его, заклиная, что жизнь ей не мила, но твёрдо знал, почему держится её сам.

Конечно, он знал, что виноват перед ней. Не дай бог мужчине слышать от женщины то, что слышал он. Раз слышал, то виноват. Но не в том, в чем она его обвиняла.

Она решила, что он не любит её и никогда не любил. Что он женился на ней оттого, что ему надо было жениться, а не по любви, и потому обманул. И что этот обман ей стал очевиден, когда дети выросли, и у неё оказалось достаточно времени спокойно подумать над тем, что было и что будет. Подумать о том, что он говорил и обещал ей, и что говорили ей его родственники. О том, что все и всегда ее обманывали и использовали. Что никому она не стала своей, и что так дальше продолжаться не будет.

Не отыскав хорошего в прошлом и страшась будущего, она выплёскивала своё отчаянье на мужа. Краснов слушал, как дрожал и срывался на крик её голос, как сыпались из уст страшные проклятия в его адрес, слушал и терпел, потому что когда силы покидали её, и она падала в изнеможении на диван, жалко было жену до слёз. Супруга почти выла по себе, исполнившей всё положенное и больше не нужной, и призывала смерть, чтобы никому не быть обузой, а он видел сквозь сотрясающееся редкими судорогами погрузневшее тело доверившуюся ему хрупкую девочку,

которой досталось слишком мало тепла. Как мог, он пытался успокоить жену и взять в руки себя, потому что должен был терпеть, не прогибаясь под невидимое, бесформенно разлитое в воздухе, чёрное и неуловимое зло, пробуждающее ненависть, – зло, которое он подпустил в свою семью в силу собственной слабости и легковесного отношения к женским проблемам.

Краснов терпел, потому что не хотел идти на поводу чуждой ему незримой силе, овладевшей всеми средствами воздействия на людей и навязывающей с их помощью вроде бы простые решения. Сложившаяся общественная тенденция была для него очевидной – всё вокруг говорило о том, что легче и покойнее жить одному и для себя. Но для него это было очевидной неправдой, на которую покупаются слабые люди. Он не хотел осуждать тех купившихся, кого не знал, или кто был моложе него. Ему было достаточно примеров умудрённых жизнью ровесников – друзей и знакомых, поддавшихся искушению.

Он видел, как десятки лет жившие вместе люди, преодолевшие бытовые трудности, родившие и воспитавшие детей, решали вдруг, что жили неправильно, ущемляя свои законные желания, вроде как в неволе. И как они использовали появившиеся, словно по заказу, возможности круто поменять свою жизнь, – одни разводились, другие «временно» разъезжались и разбегались, чтобы отдохнуть друг от друга, третьи начинали больше любить себя и свои желания.

Но получили ли они то, на что рассчитывали? Счастьем там и не пахнет. Покой? Скука от него смертная, кому он нужен? И даже свобода их казалась ему фиктивной – свободой, замешанной на тоске одиночества. Всё равно ведь привычно толкуются друг возле друга, только с ожесточёнными сердцами.

Если Краснову поддаться эмоциям, они с супругой получат то же самое – озлобление и одиночество...

Главное, с чем не мог согласиться Краснов, – с тем, что он не любил. Разве мог он забыть, как раскрывалась его робкая душа в ответ на женскую искренность, доверие и доверчивость? Как окрепшие чувства, помноженные на ответный порыв доброты, рождали в нём чувство любви к другим людям и окружающему миру во всей его красоте, которую он, слепец, не мог без этого разглядеть? И как новые благодарные волны несли всё более сильное чувство к женщине, а отразившись, расходились кругами ко всем людям, кого он знал, видел и помнил, а потом поднимались вверх, всё выше и выше

с каждым новым отражением, к невыносимо яркому свету, от которого захватывало дух...

Когда-то прочувствовав вольную радость открытия мира, Краснов не хотел соглашаться с силой, устами супруги озвучивавшей желание подчинять и владеть. Та любовь, о которой она говорила, – это ошейник раба. Причем это взаимное рабство, поданное под соблазном собственности.

Но толком объясниться с женой у Краснова не получалось. Она не понимала его. А он не мог выразить словами то, что понимал на уровне чувств. Он просто знал, что у него есть жена и взрослые самостоятельные дети. А ещё есть мама и тётка со своими многочисленными родственниками. И всё это его, кровное, неразрывное, ни от чего он не может и не собирается отказываться, какие бы бури не разыгрывались и не бушевали внутри и вокруг него.

Теоретическим основанием мужского терпения была почерпнутая из книг информация о влиянии половых различий на поведение людей. Как почти любая книжная мудрость, информация эта была практически бесполезной, никак не помогая взаимопониманию между полами, но помогала Краснову успокоиться, разумно объясняя самому себе то, с чем ему приходилось мириться.

Умные книжки рассказали ему о том, что женщины предельно рационально распоряжаются собственным мозгом, исходя из инстинктивных мотиваций.

Главной целью работы большого мозга является социальное обеспечение успешного размножения, выкармливания и воспитания детей. Творческое мышление – это приобретённая вторичная активность мозга, которую используют преимущественно мужчины.

Это мужчины имеют возможность и время загружать мозг задачами, которые напрямую не диктуются социальными и врожденными инстинктами, регулярно демонстрируя свои рассудочные достоинства. А женщины должны с огромной нагрузкой эксплуатировать рассудочные центры своего мозга для достижения главной цели и, не имея особого желания, опыта и свободной энергии на интеллектуальную деятельность, закономерно отводят ей второстепенную роль. Инстинктивно заложенное в каждом человеке желание к доминированию они реализуют проще и эффективнее. Внимательно ищут у окружающих недочеты, противоречия и ошибки. Вместо решения сложных проблем, требующих больших энергетических затрат, женскому мозгу проще

найти чужую ошибку, даже самую мелкую, и обсудить её столько раз, сколько требуется для доказательства собственного интеллекта.

Исходя из целей продолжения рода, винить женщин в использовании мелких сиюминутных злодейств невозможно. Более важны эволюционные последствия увеличения продолжительности жизни женщин, поскольку для мозга возраст не имеет значения – сам факт существования он воспринимает как возможность размножаться.

В эпоху архаичных приматов мало, кто доживал до исчезновения способности размножаться. Но со временем стали появляться долго живущие, к желанию размножаться которых присовокупилось осознание наличия души и душевных порывов, что сделало их подарком для земного зла. Не здесь ли надо искать источник народных образов злобных старушек, колдуний и их мистического окружения?

Впрочем, появлялись в древности и уникальные мужчины, сумевшие не сложить голову на охоте и в межплеменных разборках и приобрести в народной памяти звания колдунов и чародеев. Но злобных стариков, похоже, было явно меньше злых старух. В русских сказках, например, страшные колдуны почти всегда за морями и горами, то есть чужестранцы, зато женщины-колдуньи вроде бы свои, лесные или водяные, а их образы – ярче.

Когда старость стала повседневным событием, пожилые женщины разделились на две категории. Первая – малочисленные активистки с неадекватным поведением социально значимого уровня. Вторая – большинство, с внешне стабильным гормональным состоянием и маской рассудочной рациональности, под которой скрываются те же биологические мотивации, усиленные самоуверенностью личного опыта. Направляя интеллект на изощрённые формы имитационного поведения, вторые способны успешно противостоять пусть и разумной, но не нужной с репродуктивной точки зрения мужской деятельности.

Краснову не оставалось ничего другого, как отнести маму с женой к большинству и понять, что ждать полного взаимопонимания между ними, а также ему от жены – не очень дальновидно.

Эх, знать бы Краснову эту информацию по молодости! А теперь ничего не остаётся, как расплачиваться за необдуманные слова и сгоряча нанесённые обиды. Терпеть и ждать, когда супруга сменит гнев на милость.

Впрочем, в отношениях с женой у Краснова было не всё так печально, как рисовалось ему в часы их размолвок или в пору внезапной, налетающей

ночью и сжимающей сердце тоски, заставлявшей проснуться и горестно лежать без сна.

Во-первых, книжная мудрость не абсолютна. Всё происходящее с человеком она пытается объяснить в рамках явного мира, стыдливо игнорируя воздействие высших сил. Краснова это не устраивало. Он не знал твёрдо, верит ли и кому, но чувствовал, что его душа отзывается на «Бога», «сатану», «судьбу», «рок» и другие понятия, не имеющие зримого подтверждения.

Во-вторых, хорошего в его жизни было больше, чем плохого. Поэтому не верить в то, что личная жизнь может перемениться к лучшему, было глупо.

Он боялся сглазить, но не исключал, что трудные времена для него заканчивались. Одним из обнадёживающих знаков было согласие жены поехать с ним, как раньше. Последний раз она была на его родине семь лет назад, на похоронах тёткиного мужа. С тех пор зареклась, а он не настаивал. Но в этом году двоюродная племянница, мамина любимица, выходила замуж. Ехать на свадьбу одному Краснову было неловко. И вдруг жена согласилась составить ему компанию. И даже предложение немного пожить заодно у мамы не вызвало у неё явного отторжения.

– Что мы будем делать там целую неделю? – только спросила она Краснова. – Дома с твоей мамой больше двух дней я не высижу.

– Погуляем по городу. Сходим в театр, – ответил Краснов, не раздумывая. – Я давно хочу разглядеть новую достопримечательность. Балет посмотрим. Или оперу послушаем. А то жизнь прожили, а к высокому искусству не приобщились.

– Разве с тобой можно было к чему-нибудь приобщиться? – не преминула по инерции уколоть его жена.

– Ну, хорошо. А днем? Что мы будем делать днем?

– На речку будем ходить. Загорать будем, ловить рыбу.

– Ты же не рыбак, – сказала Краснова.

– Не рыбак, – согласился Краснов. – Но в детстве ловил. Купим удочки и половим. Жаль, что вобла уже пройдёт, когда мы приедем. Но мы обязательно что-нибудь поймем. Там любой поймает.

Жена заговорила о том, что ей надо пошить летнее платье и купить на свадьбу красивые босоножки.

Сердце Краснова кольнуло надеждой. Невольно вспомнилось, как однажды, то ли во сне, то ли наяву, он поднялся над собой и как до сих пор не разобрался, что тогда с ним было.

Случилось это после очередной ссоры, когда ему было особенно плохо, и он лежал один в холодной постели без сна, мысленно кружа в поисках ответа, что делать, и, не находя его. И вдруг почувствовал, как в этом своём кружении стал подниматься вверх. Он поднимался не долго и поднялся не высоко, но достаточно, чтобы сверху увидеть себя, лежащего с открытыми глазами. Очень хотелось подняться выше – не получалось. А страха от полёта не было совсем, и удивления – тоже. Возможность парить и одновременно лежать в кровати казалась сама собой разумеющейся.

Опустился Краснов, найдя ответ, почти вычитанный до этого в книгах: терпеть. Он не знал, откуда его взял. Было такое чувство, что ему подсказали. Но кто? Когда парил, он никого не видел, – только угадывал в темноте себя, внизу, лежащего недвижно, без сил.

Позже Краснов пробовал повторить свой робкий полет – больше не получалось. Зато получалось следовать найденному ответу.

Взявшись терпеть, он всё реже пытался доказывать жене свою правоту. Если срывался доказывать, то только в минуты усталости, когда голова переставала соображать, – и тут же отступал, ловя себя на мысли, что не хотел, а словно бес попутал.

А недавно Краснов стал замечать, что супруга всё чаще бросает на него косые задумчивые взгляды, словно пытается решить загадку, которую он ей загадал. И ещё ему показалось, что она потихоньку заново впускает его в свою жизнь, нарушая произнесённые обеты и удивляясь самой себе.

Краснов пока боялся загадывать. Ему достаточно было верить.

Верить, что вся грязь и злоба, вдоволь излитые на него женой, – инстинктивный приём самозащиты от того неправильного Краснова, о котором надо забыть. Что, несмотря на ворох тщательно перечисляемых незабытых женских обид, душой она по-прежнему с ним, а значит, и семья его неразрывна, как было прежде, и как будет всегда, пока он жив...

У Краснова были основания так думать и без метафизики. В тех же умных книжках он читал, что с возрастом дистанция между образом мыслей мужчин и женщин уменьшается. Многие мужчины приобретают интуитивные способности, характерные для женщин с детства. Многие женщины – рассудочные способности мужчин. С приобретенными

способностями проще обуздать мешающие дружно жить разрушительные желания, возникающие вдруг, спонтанно, словно внушённые невидимой силой, досконально изучившей порочную людскую природу.

Он думал, что у него уже почти получается справляться с собой. А если получится у него, то получится и у наблюдающей за ним супруги. И снова они станут заодно!

Было только немного грустно от медлительности этого процесса. Как бы не получилось так, что ещё долго будут они с супругой разбираться и в себе, и друг с другом. И доведётся ли спокойно пожить вместе, когда разберутся?

Или это для них уже не важно? А важно просто успеть?

(продолжение следует)